

«ЭТО ЛОГИКА, А НЕ МЫШЛЕНИЕ» (Н. БОР)*

Дмитриев Игорь Сергеевич – доктор химических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: isdmitriev@gmail.com

В статье представлены несколько замечаний по поводу позиции Л.В. Шиповаловой. Замечания касаются недостаточности линейного подхода к историческому описанию. Утверждается, что стремление к такой линеаризации лежит в основе классического иллюзорного представления о задаче исторической наррации: рассказать как было «на самом деле».

Ключевые слова: релятивизм, история и философия науки, линеаризация истории

“IT IS LOGIC, BUT NOT THINKING” (N. BOHR)

Igor Dmitriev – DSc in Chemistry, professor. Saint Petersburg State University. 11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: isdmitriev@gmail.com

The author suggests some comments about the article by L. Shipovalova. The point is made for a failure of a linear approach to the historical description. The author claims that the history of thought cannot be linearized. He argues that attempts at such linearization constitute the classical illusion of the task of a historical narrative: to tell the story of what allegedly really happened.

Keywords: relativism, history and philosophy of science, linearizations of history

Мне бы хотелось сказать несколько слов, по поводу, главным образом, первого и второго из трех, вкратце охарактеризованных Ладой Владимировной, «порядков причин, обосновывающих достоинство исторической эпистемологии, готовой встречаться с опасностями релятивизма». История научных (и не только научных) революций показывает, что перед тем, как начнут оформляться контуры новой теории (шире – новой парадигмы), имеет место более или менее длительный «пролог», герои которого (Галилей, Н. Бор и т. д.) не только дарят миру новые конкретно-научные открытия, но и разрабатывают новые методологические принципы, которые затем будут положены в основание постреволюционной науки (примерами могут служить метод искусственно-изолирующего эксперимента Галилея, принципы соответствия и дополненности Н. Бора и др.). Задача, решаемая этими учеными – проблематизация предшествующей парадигмы, ее всесторонний анализ и выявление в ней тех положений, которые «не замечались» (т. е. не были отрефлексированы) их предшественниками (скажем, допущение классической физики о том, что физические процессы происходят «сами по себе» и не возмущаются актом наблюдения) и/или не были (не могли быть) предметом критического анализа. При этом наряду с

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00572 «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты».

обсуждением не анализировавшихся ранее несущих конструкций старой парадигмы, эти герои зачастую использовали такие приемы, как окарикатуривание взглядов своих далеких предшественников (скажем, Галилей, рассуждая о законе свободного падения, приписывал Аристотелю те идеи и мнения, которые тот никогда не высказывал), или, как это сделал Н. Коперник, предъявление к наличной хорошо работающей теории (геоцентрической теории К. Птолемея) тех методологических и эстетических требований, которым она по условиям времени своего создания не удовлетворяла и удовлетворять не могла и т. п. А после того, как дым интеллектуальных битв рассеивался, философский релятивизм, сыгравший свою роль в период «бури и натиска», уходил (как мавр, сделавший свое дело) в тень, ибо наступало иное время – эра победителей, которые писали нужную им историю их побед (характерный пример – лекции по истории органической химии А.М. Бутлерова, где он изложил всю историю этой науки как путь к торжеству его теории химического строения, т. е. изложил прошлое органической химии как продукт ее отсроченного будущего). В этот период на релятивизм смотрят уже косо, т. к. куда уместнее выглядит кумулятивистский нарратив шествия героев-победителей «по партитуре напролом» к алтарю истинной теории. В этой ситуации история науки выполняет фактически функцию пропаганды победившей парадигмы.

Как же в этой ситуации обстоят дела с союзом философии и истории науки? Лада Владимировна справедливо отмечает трудности этого союза, который, на мой взгляд, если будут сохраняться нынешние методологические установки, вообще никогда не будет достигнут, хотя бы с силу того, что большинство историков не согласится поселиться на вершине философской башни, с высоты которой не разглядеть деталей местности, а философы в большинстве своем вряд ли захотят надолго покидать эту вершину, потому как внизу им не будет хватать обзора. Но дело не только в этом (в конце концов есть приятные исключения, скажем, Т. Кун или С. Тулмин). О каком союзе идет речь? Союз между какой философией и какой историей? За философию говорить не буду, поскольку не философ, а что касается истории науки, то, как мне представляется, ее задача – не столько оценивать те или иные теории, высказывания и суждения на предмет их истинности, сколько попытаться понять, что именно двигало исследователями прошлого, каковы были их мотивации, их принципы и стратегии. Иными словами, сверхзадача истории науки – изучение исторически-обусловленных усилий человека познать то, что по своей сути не исторично. Но ведь, – предвижу возражение, – историк науки сам принадлежит определенной эпохе, ему присущи свои мировоззренческие позиции и т. д., и как же тогда относиться к его утверждениям? Да, разумеется, мы всегда имеем спектр интерпретаций, спектр оценок. И, кстати, не только в области гуманитаристики.

Мне представляется, что трудности достижения союза философов и историков науки (а я бы говорил о заинтересованном внимании их к мнениям друг друга – это уже немало!), о которых писала Лада Владимировна, обусловлены не в последнюю очередь тем, что в основе классического иллюзорного представления о задаче исторической наррации лежит тенденция к линейаризации истории. И в парадигматических, и в кумулятивистских моделях развития научного знания наука рассматривается как нормативный процесс с присущей ему хронологической связанностью. Ученые и многие историки в своих ретроспективных оценках склонны упрощать и рационализировать последовательность событий. Новое при таком подходе оказывается чем-то латентно присутствующим уже в начале исследования как его цель. Однако, чем детальнее историки изучают микродинамику научной деятельности, тем проблематичнее становятся в их глазах указанные линейаризованные модели.

На мой взгляд, вряд ли возможно выявить онтологически и методологически обоснованную логику развития науки, а потому линейаризация того, что называется историческим процессом – не более, чем фикция. История, построенная на таком основании, разумеется, может быть адаптирована к той или иной философской схеме, однако развитие истории науки требует более гибкого и нелинейного («историального» по терминологии [Rheinberger, 1994]) мышления.

Список литературы

Rheinberger, 1994 – *Reinberger H.-J. Experimental Systems: Historiality, Narration, and Deconstruction // Science in Context. 1994. Vol. 7. No. 1. P. 65–81.*

References

Reinberger H.-J. “Experimental Systems: Historiality, Narration, and Deconstruction”, *Science in Context*, 1994, vol. 7, no. 1, pp. 65–81.